

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Т.В. Красковской
«Кантатно-ораториальное творчество
композиторов Советской Карелии
(1920--1980-е годы)»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата искусствоведения
по специальности 17.00.02 - музыкальное искусство

Советская культура, невзирая на повышенный интерес общества и устойчивое профессиональное внимание целого отряда гуманитариев к ней в России и за рубежом, по сию пору представляет собой лишь поверхностно изученное явление. В основном события этой эпохи исследованы лишь в хронологическом плане, тогда как их трактовка, анализ причинно-следственных связей остаются предметом неутихающих дискуссий. Но и в хронологической своей части изучение этой эпохи пестрит лакунами. Особенно это касается региональной истории, краеведческих тем, или -- как принято сегодня характеризовать эту область гуманитарной науки -- микроистории.

Представленная на соискание кандидатской степени работа Татьяны Викторовны Красковской посвящена именно такой -- микроисторической, региональной или краеведческой теме. Специфичным является не только регион, на материале которого рассматривается обозначенная проблема советского кантатно-ораториального творчества, но и сам материал -- композиторское наследие как минимум второстепенных в контексте богатой истории советской музыки авторов. Вместе с тем именно эти авторы создавали композиторскую школу своего края, ее систему музыкального образования, закладывали (во многом посредством своих опусов!) ее

исполнительские традиции, воспитывали поколения местной слушательской аудитории.

Избранная для воссоздания ее истории и анализа ее поэтики область музыкальных жанров при всем своем очевидно официозном наклонении, хотя и не может, вероятно, в полной мере характеризовать собственные устремления композиторов, является вполне репрезентативной для установления некоторых общих законов формирования региональных композиторских школ в советские годы. Это связано с тем, что на протяжении нескольких десятилетий значимость кантатно-ораториальных жанров с точки зрения официальной советской культурной политики в области музыки неуклонно возрастала, как это убедительно показано в монографии И.С. Воробьева «Соцреалистический “большой стиль” в советской музыке (1930--1950-е годы)» (СПб., 2013). И в период «зрелого сталинизма» эти жанры вышли на первый план жанровой иерархии в советской музыке.

Таким образом я считаю достаточной для специального исследовательского интереса актуальность и новизну поднятой темы. Избранный материал также представляется мне показательным для обозначенного периода. Кроме того, важно подчеркнуть, что несомненно продолжая исследовательскую парадигму работ Воробьева последнего времени, Татьяна Викторовна Красковская вносит свои региональные коррективы в его выводы. Если монография и докторская диссертация Воробьева устанавливали в качестве кульминации развития кантатно-ораториальных жанров завершающий период сталинского правления (что было непосредственно связано с событиями 1948 года, подробно проанализированными в монографии и докторской диссертации Екатерины Сергеевны Власовой), то автор представленной на защиту работы указывает в этом качестве на другой временной отрезок -- и это уже период так

называемого «развитого социализма», захватывающий брежневскую эпоху. Очевидно, что мы имеем дело с феноменом так сказать «регионального запаздывания», который, с одной стороны, характеризуется следованием за некими идейно-художественными стратегиями творческого мейнстрима, сконцентрированного в столицах, и выполнением эстетических нормативов, выработанных и сформулированных там, с другой же стороны, почти непременным отставанием за обозначенными «центром» тенденциями. Могу от себя добавить, что «ораториально-кантатная мода» и связанные с ней концертно-исполнительские практики удерживались в конце 1960-х -- начале 1970-х годов не только в описанном в данной диссертации северо-западном регионе СССР, но и в северо-восточных ее областях. Однако описанный диссертанткой случай сходен с теми, институциональное формирование музыкальной традиции которых запаздывало и пришлось на годы, непосредственно предшествовавшие Великой Отечественной войне или последовавшие за ее окончанием.

Важным аспектом представленного анализа исторических событий является и рассмотрение их под знаком идеологической практики «коренизации», а также последующих ее трансформаций. Безусловно, эти наблюдения сопоставимы с целым рядом региональных случаев, когда в роли «титупьной нации» оказывалось коренное население тех или иных областей России и СССР, и могут послужить материалом для исторических и культурных аналогий и более общих заключений. Процессы выбора в качестве «государственного языка» того или иного языка или наречия, бытующего на данных территориях, не могли не влиять самым непосредственным образом на композиторское творчество в обращении как к камерным, так и к крупным музыкальным жанрам, связанным со словом. Простое их перечисление покажет нам всю значимость этих процессов для музыкального искусства: опера, оратория, кантата, симфония с участием

хора, вокально-оркестровый цикл, песня, романс, даже балет в его опоре на сюжет, прямо зависели от политических веяний в «национальном вопросе».

Напрямую, как показывает предпринятое исследование, зависели от них и судьбы самих авторов. «Говорящие даты» смерти некоторых из них, «провалы» в жизнеописаниях очередной раз подтверждают горькую истину о том, что от жерновов истории не удалось укрыться никому в этих поколениях. Вместе с тем от автора исследования хотелось бы получить более внятную картину тех жизненных перипетий, которые выпали на долю его героев, -- без фигур умолчания или деликатных биографических пропусков. Иначе возникает ряд вопросов по поводу того, чем занимались упомянутые композиторы в те или иные годы; случайно ли некоторые биографии обрываются на датах «большого террора»; с чем связаны утраты некоторыми из них в те же годы общественного статуса; и т.д. Неясно, например, кем же работали в Петрозаводске такие заметные деятели местной культуры, как Вишкарёв, Голланд и некоторые другие их коллеги-композиторы.

Другое замечание к изложению материала продиктовано законным желанием читателя охватить большой по хронологии материал, организованным четко по периодам. Иная его организация ведет к ряду варьированных повторов в фактологии. Таково, например, описание фактов, касающихся одного из важнейших деятелей культуры Карелии -- Раутио. В то же время его биография обрывается на 1931 году, тогда как прожил он до 1963 года (см.: С. 55 дисс.).

К числу замечаний можно отнести также утверждение, что не обнаруженная до сих пор кантата Раутио была написана на финском языке (С. 60 дисс.), что позволяет автору строить дальнейшие выводы и заключения. Однако немногим ранее (С. 59) это уверенное утверждение

заявлено как всего лишь «предположение», построенное на косвенных доводах.

Отмечу также, что в Приложении № 2, озаглавленном как «Произведения кантатно-ораториального жанра в союзных республиках СССР» (С. 178 дисс.), таблица соответствующих названий содержит всего 14 позиций, охватывающих период с 1927 по 1959 год. Неясно, почему очерчен именно такой период, если сама работа посвящена шести десятилетиям (включая и 1980-е годы). И, безусловно, в этой таблице, с одной стороны, отсутствуют очень многие названия сочинений, из написанных в те годы в республиках СССР (ср. соответствующие данные по вышеупомянутой монографии И.С. Воробьева), с другой же стороны, некоторые из указанных опусов нельзя однозначно причислить к художественным результатам республиканского творчества. Наиболее выразительный пример тому -- ораториальные сочинения Арама Хачатуряна: как 1938-м году, так и в 1947-м, он работал в Москве, продолжая традиции гнесинской композиторской школы, пусть и в национальной их трактовке, которая, безусловно, на свой лад интерпретировала эстетические подходы «кучкизма». Но даже если и принять логику автора, то тогда непонятно, почему в таблице отсутствует хачатуряновская «Ода памяти Ленина» 1948 года. Складывается общее впечатление произвольности сделанного отбора.

Есть в тексте работы и неловкие формулировки. Так, например, Константин Симонов охарактеризован как литератор, известный своими журнальными и газетными публикациями 1930-х годов (С. 63 дисс.). Безусловно, не только исследователю советской культуры, но и любому прилежному читателю русской литературы Симонов известен гораздо более как один из заметных поэтов русского XX века и летописцев «военной темы» в прозе и стихах, не говоря уже о его значительном влиянии на литературные процессы в советской культуре. Или: по поводу творческого процесса

композитора Голланда автор пишет, «что его можно было бы отнести к “бетховенскому” типу» (С. 64 дисс.). Затем, однако, на основании других его черновиков заключает, что они делают «такое предположение преждевременным» (Там же). Из контекста непонятно, черновики каких сочинений дали повод и к сравнению с Бетховеном, и к отказу от него, и что имелось в виду под «бетховенским» типом сочинения. Думается, что такого рода сравнения вообще не идут на пользу карельским композиторам.

Встречаются и случаи некритичного цитирования. Так, по поводу бытования финского языка в Карелии в 1970-х годах автор приводит мнение специалистов: «Возможности его использования вне семьи оставались ограниченными. Знание финского языка реализовывалось, прежде всего, в сфере профессиональной культуры, искусства, образования и науки» (Цит. по: С. 30-31 дисс.). Однако обозначенная здесь сфера широчайшего применения заставляет задаться вопросом, какие же собственно незатронутые применением этого языка сферы имели в виду процитированные авторы. Этот вопрос приходится адресовать самой соискательнице, поскольку цитата использована ею как заключительный вывод целого параграфа работы.

Другие вопросы, на которые хотелось бы услышать ответ:

1) нельзя ли более ясно изложить ситуацию с организацией Г.Р. Державиним музыкальной школы в Карелии -- обозначить год и обстоятельства ее создания, судьбу этого начинания?

2) как автор разграничивает понятия оратория, кантата, вокально-симфонический цикл -- следуя авторским обозначениям или же наблюдениям над определенными имманентными свойствами сочинения?

Представленная работа, невзирая на естественно возникающие вопросы или замечания, является результатом серьезных архивных

изысканий, благодаря которым восстанавливается ранее неизвестная страница деятельности карельской композиторской школы. Как уже было сказано, являясь составной частью общего музыкально-культурного процесса СССР, она обладает известной спецификой, которую и постарался охватить и детально описать в своем диссертационном исследовании автор. Обоснованность и достоверность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации опирается как на подробное изучение архивов, так и на анализ обнаруженных музыкальных источников.

Автореферат и публикации соответствуют содержанию диссертации.

Исследование Татьяны Викторовны Красовской соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям Постановлением о присуждении ученых степеней от 24 сентября 2013 года № 842 (в ред. от 21 апреля 2016 г. № 335), и может быть применено как в педагогической, так и в исполнительской практике, а также в научной деятельности.

Т.В. Красковская достойна присуждения ученой степени по специальности 17.00.02 Музыкальное искусство.

1 марта 2017 года

Доктор искусствоведения, доцент
ведущий научный сотрудник
Государственного института искусствознания
Марина Григорьевна Раку

Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
«Государственный институт искусствознания»
125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 5
тел.: +7 (495) 694-0371, факс.: +7 (495) 785-2406
institut@sias.ru

Подпись М.Т. Раку
уверено.
Специалист по кадрам
/ А. С. Наконечный

